
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А.В. Козьмина
(Москва)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАУЗАЛЬНОЙ И ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИЧИННОСТИ

В статье рассматриваются различные подходы к трактовке каузальной и телеологической причинности в методологии науки. Обосновывается целесообразность стратегии совмещения каузальной и телеологической причинности для построения объяснительных моделей в социологических исследованиях.

Ключевые слова: каузальное объяснение, телеологическое объяснение, причина, следствие, цель, действие, интенция, функция, условия.

Всякая истина проходит в человеческом уме через три стадии: сначала – «Какая чушь!», затем – «В этом что-то есть!», наконец – «Кто же этого не знает!»

Александр Гумбольдт

На протяжении XIX и в первой половине XX вв. в научном сообществе доминировали естественнонаучные методы познания, что не могло не отразиться на методологии формирующейся в тот период «молодой» социологии как науки об обществе, группах людей и их взаимодействиях. Формирование социологии как науки происходило на фоне таких методологических принципов

Анастасия Владимировна Козьмина – магистр социологии, независимый исследователь.

науки как эмпиризм, феноменализм, антителеологизм, точность измерения, активность познания, рационализм. Если обратиться к работам социологов того времени, то нетрудно заметить, что термины и методы анализа были позаимствованны из физики, биологии, геологии и других наук естественнонаучного знания. Это и «социальная физика» О. Конта, и «сверхорганический» организм Г. Спенсера, и «формации» К. Маркса, и «органическое целое», «элементарные формы» Э. Дюркгейма и т.д. [1, с. 19–61]. Бытовало мнение, что социальные науки не вполне развились и окрепли, чтобы создавать теории подобные теориям естественнонаучных дисциплин. Различия между теориями и методами социальных и естественных наук виделись в том, что социальные науки как более «молодые» отстали в развитии собственной методологии, но со временем они уподобятся естественным наукам. Квинтэссенцией этого периода может выступать высказывание К. Маркса «естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*» [2, с. 124]. Однако многие попытки применения принципов, понятий и методов, разработанных методологией естественнонаучных дисциплин, к анализу знания в области социальных наук к концу XIX в. привели к мысли о том, что теории и методы в этой сфере обладают определенной спецификой. Проблема различия состояла не в отставании социальных наук от естествознания, а в понимании своеобразия объекта изучения – человек и результаты его деятельности. Теории и методы изучения деятельности человека существенно отличаются по многим положениям от того, что могла предложить методология естествознания того периода. Неоправданная повсеместность приемствования естественнонаучных методологических категорий и моделей в области социальных наук без учета специфики изучаемого объекта привела к осмыслению необходимости *дивергенции* методов познания социальных и естественнонаучных дисциплин. Наиболее активно методологическое противопоставление естественных и

социальных наук разрабатывалось в немецкой философии такими авторами, как В. Дильтей (различение «объяснения» и «понимания»), В. Виндельбандт (разграничение «номотетических» и «идеографических» наук), Г. Риккерт (ввел понятия «генерализирующего» и «индивидуализирующего» методов) [1, с. 173; 3, с. 13–17; 4, с. 142]. На протяжении XX в. велась активная работа по адаптации, апробации, разработке и развитию, с одной стороны, тех естественнонаучных методов, которые уже успешно зарекомендовали себя в изучении социальной действительности, с другой – методологии социальных наук, учитывающей их специфику. Тем самым появилась возможность применения при анализе социальных явлений не только заимствованных методов из естествознания, но и собственных методов исследования, инструментария, разработанного в рамках социальных наук.

Одна из важнейших категорий в методологии – это причинность. Категория причинности является базовой в социальных и философских науках. В эмпирической социологии она порождает особый вид методологической процедуры, языковые конструкторы которой перманентно требуют переосмысления.

Причинный анализ как методологическая процедура

Причинно-следственные взаимосвязи социальных явлений, которые подвергаются «причинному анализу», составляют одно из направлений «математической социологии», в рамках которого отсутствует артикуляция системы понятий причинного анализа как методологической процедуры, и что служит предметом наших исследований. Что же касается причинного моделирования (математического), то его идеи были разработаны Г. Саймоном и внедрены благодаря усилиям Г.М. Блейлока, который придерживался неопозитивистской трактовки научного знания и считал главной задачей в изучении социальных явлений построение эмпирически

верифицируемых теорий по образцу физических наук, применяя индуктивно-статистические методы с использованием причинного (каузального) математического моделирования. Причинное моделирование требует от исследователя формулирования системы гипотез и проверки их с целью поиска модели наилучшим образом отвечающей социальной действительности [5].

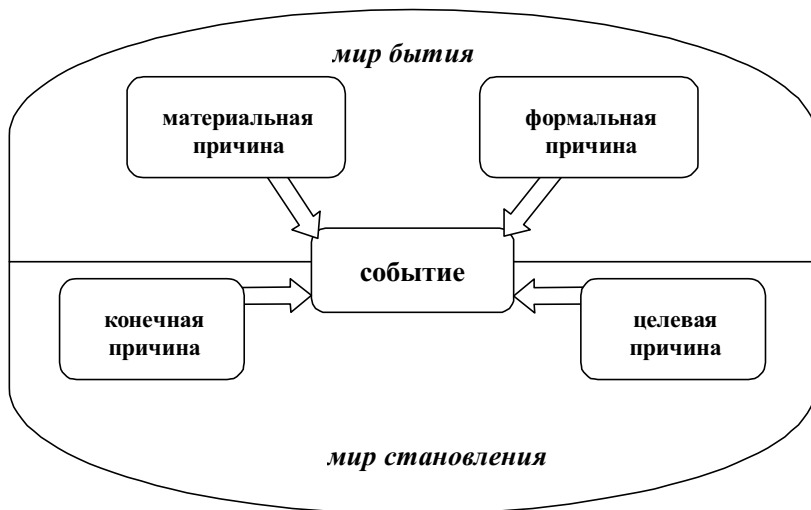
Вслед за Блейлоком анализом причинно-следственных связей в социологии занимались многие авторы, каждый из которых дополнял и детализировал логику причинного анализа. Д. Хейс также занимался разработкой методологической основы причинного анализа для дальнейших утверждений о причинно-следственных связях и их схематического представления (изображения с помощью графов) при изучении социальных явлений на эмпирическом уровне. Он акцентировал внимание на том, что существует мало социальных явлений, зависящих от одной причины. Как правило, социальные явления состоят из многих видов одного и того же события, определяемых некоторым количеством различных факторов, которые, в свою очередь, влияют на некоторое число других факторов. Построение и изучение причинных моделей делает возможным понимание причинных связей, которые породили социальные явления [6]. Разработкой методологических основ построения причинных моделей (в частности, и с помощью графов) в качестве анализа причин, порождающих социальное явление, занимались и такие авторы, как С. Райт, Д. Литтл, Л. Выханду, О. Дункан, А. Стинчкомб [7; 8, с. 343–345; 9; 10, р. 130–148]. Э. Нагель занимался определением сравнительной силы причинных связей между переменными с помощью логических процедур [11, р. 373–385]. Одной из главных проблем причинного анализа на эмпирическом уровне является зависимость от изначальных предположений о причинно-следственной связи, которые не могут быть проверены, формализованы и носят лишь гипотетический характер. Опыт использования графов показывает, что исследователь стремится к упрощению изучаемого социального явления из-за

ограничения возможностей и трудностей одновременного учета большого числа причин и их взаимодействий.

Истоки причинности как категории познания

Основы изучения причинности были заложены еще Аристотелем, который указывал на то, что при исследовании причин появления событий (phenomenon) следует использовать комплексный подход, в котором учитывались бы одновременно четыре типа причин [12, с. 70]. Он считал, что создание объективного описания рассматриваемого события следует начинать с определения материальной причины события или объекта изучения (первый тип). Второй тип составляет производящая причина или «начало действия» и служит для определения источника изменения, впоследствии этот тип причины стал называться действующей причиной. Далее следовал учет того, почему или сообразно чему событие является именно таковым, каково оно есть, т.е. учитывается специфическая идея образующей формы или формальная причина (третий тип причин). И наконец, четвертый тип, который следует рассматривать при изучении событий, – это обозначение цели, ради достижения которой событие либо существует, либо происходит, т.е. обозначение целевой (конечной) причины. Материальная и формальная причины являются причинами бытия, движущая и целевая – причины становления. При этом, необходимо отметить, что Аристотель противопоставляет действующую причину целевой и трактует целевую причину как не «всякий предел, но наилучший» [12, с. 70; 13, с. 86–88]. На рис. 1 представлена схематически модель комплексного подхода к изучению причинно-следственных связей Аристотеля.

Вводя четырехмерную модель причинности, Аристотель не различал природное и социальное. С позиции данной модели можно рассматривать любое явление, в частности, она подходит и для изучения социальных феноменов в эмпирической социологии.

Рис. 1. Модель комплексного подхода к причинности Аристотеля

Из четырех типов причин в дальнейшем в методологии науки детально рассматривались две: действующая причина (как активное тело, действующее извне)¹ и целевая или конечная причина (как целеполагание) [15, с. 46; 16, с. 116]. Исходя из этого и сформировались два основных подхода к причинности – каузальный (физический, механистический) и телеологический (финалистский, целеполагание), которые впоследствии развились в два различных направления объяснения причинности.

Существует и другая точка зрения на выделение основных направлений развития категории причинности. Согласно К. Ллойд, в философии науки выделяются четыре общепринятые концепции причинности, которые не обязательно исключают друг друга [17, р. 318–319]:

---

¹ В работе Кристофера Клаттербауфа подробно рассматривается тенденция упрощения четырех причин Аристотеля, наметившаяся в середине семнадцатого столетия [14].

– *метафизический идеализм* – утверждает, что явления действительности – это результаты порождения Высшей силы или подобной ей конечной причины;

– *эмпиризм* (или юмовская регулярность) – рассматривает понятие причинности как идею существования постоянных совпадений событий;

– *функционализм* – указывает на то, что некоторые типы событий и процессов порождаются их собственными следствиями путем некоторого рода обратной связи;

– *структурный реализм* – рассматривает родственные структуры и внутринеприсущие свойства как причины явлений.

В дальнейшем мы будем придерживаться деления на два, описанных выше, основных подхода к категории причинности: каузальный и телеологический. Для наших целей важно рассмотрение основных постулатов каждого из подходов, а также существующих подходов к соотношению каузального и телеологического.

Причинность в естественных науках

В рамках каузального подхода (механистическая, физическая причинность), наиболее тщательно разработанного естествознанием, под *причиной* понимается явление, действие, которое определяет, вызывает, изменяет, производит или влечет за собой другое явление; последнее называют следствием [18, с. 511]. Исходя из обзора литературы, на наш взгляд, следует выделять следующие принципы физической причинности:

1) *необходимость* – если имеется причина и необходимые условия ее проявления, то обязательно происходит следствие, а если есть следствие, значит ему предшествовала некоторая вызвавшая его причина;

2) *однозначность* – одинаковые причины при одинаковых условиях вызывают одинаковые следствия, т.е. причины (вместе

с условиями) полностью определяют характер следствия; одна и та же причина при разных условиях вызывает неодинаковые следствия;

3) *устойчивость* – одна и та же (или однотипная) причинная связь может повторяться много раз;

4) *предшествование* – причина всегда предшествует следствию;

5) *преемственность* – причина причины некоторого события есть тоже причина этого события;

6) *близость* – причина и следствие близки в пространстве и во времени¹.

Исследователь, стремясь установить причинно-следственные связи в рамках каузального подхода, как правило, задается вопросами: «почему нечто произошло?», «как?», «как возможно?». В основе каузальной (физической, механистической) причинности лежит закономерность между причиной и следствием, которая определяется тем, что следствие четко вытекает из причины. В естествознании на протяжении веков понятие причина претерпевало изменения, это отразилось и на методологии социальных наук. Если во времена Платона и Аристотеля, Декарта и Ньютона причина рассматривалась как простое сингулярное событие, являющееся толчком при определенной констелляции условий, то к середине XX в. положение в этой области изменилось. Подобная доминирующая причина замещается совокупностью «начальных условий», «слож-

---

¹ Следует отметить, что существует и противоположное мнение по поводу отставания во времени следствия и причины. Так М. Бренд предпринимает попытку доказать, что каузальная связь предполагает одновременность причины и следствия. Один из ключевых моментов сводится к тому, что «существование каузальных цепей не требует, чтобы было временное отставание между началом причины и началом следствия. Некоторые каузальные цепи могут состоять из последовательностей событий, каждое событие в последовательности связано временным отношением с другим событием этой же последовательности, а исходный и конечный члены каждой последовательности причинно связаны и одновременно с конечным и исходным членами другой последовательности» [19, p. 141].

ным комплексом явлений», многофакторностью причины, соответственно и следствие определяется как «положение дел», «комплекс элементов» [20, с. 190; 21, с. 150; 22, с. 43]. Так как на протяжении длительного времени физическая причинность для социологической методологии выступала в качестве идеала в области установления и проверки причинных связей социальных явлений, то подобное положение в методологии науки привело к многим попыткам адаптации физической причинности к изучению социальной реальности. Наиболее ярким примером подобной преемственности является творчество Э. Дюркгейма [23; 24]. Он считает, что социологии следует признать, что к социальным явлениям применим принцип причинности. Правомерность применения принципа причинности Э. Дюркгейм обосновывает тем, что «закон причинности признан для других областей природного царства, и признание его господства постепенно расширялось, распространялось от мира явлений физико-химических на явления биологические, от последних – на мир явлений психических, ... мы вправе допустить, что он также верен и для мира социального» [25, с. 153].

По мере становления социологии как науки все более было ясно, что методы изучения социальной действительности и деятельности человека во многих отношениях существенно отличаются от уже наработанного в методологии естествознания.

Телеологическое объяснение

Одним из специфических методов социальных наук считается разрабатываемый с середины XX в. и активно обсуждаемый телеологический подход. В научной литературе телеологический подход предлагается рассматривать либо как самостоятельный, противостоящий каузальному, пусть с четко неопределенным понятийным аппаратом и логикой анализа, но собственным, либо как *одна из составляющих* каузального подхода с соответствующим понятийным аппаратом. Телеологический (финалистский)

подход указывает на будущее и отвечает на вопросы: «Для чего нечто случилось?», «С какой целью?», «Ради чего?». В данном подходе предполагается отношение необходимой обусловленности и закономерная связь включена косвенно, т.е. существование одного события четко не влечет за собой следующее событие.

Телеология как одна из составляющих каузального подхода рассматривается, описывается, анализируется и объясняется на языке соответствующего понятийного аппарата, разработанного в рамках естествознания и в работах, посвященных проблеме целенаправленности в таких науках, как физика, кибернетика, информатика, биология.

Общая модель объяснения была предложена К.Г. Гемпелем. Он предлагал цели, мотивы поведения и убеждения в том, что определенные действия будут способствовать достижению цели, рассматривать в качестве условий причинно-следственных связей, и это позволяет, на его взгляд, устранить формальное различие между телеологическими и причинными объяснениями [26, с. 100].

Некоторые авторы разрабатывали другое направление, согласно которому рассматривать мотивы и цели следует как подтип причин, полностью подчиняющийся закону причинности [27, с. 43; 28, с. 46]. Вероятнее всего, такой подход продиктован в методологии науки неизбежностью вхождения в научное объяснение целевых причин, возможностью телеологического объяснения явлений не только живой, но и неживой природы.

Телеологический подход в социальных науках

В социальных науках наблюдается тенденция рассмотрения телеологического подхода как противопоставляемого каузальному подходу. Например, П. Уинч прямо указывает на то, что понятия «причина» и «мотив» не являются синонимами [29, с. 62]. Он разводит понимание природных и социальных явлений: «наше понимание природных явлений происходит в терминах понятия “причина”, в то

время как наше понимание социальных явлений включает категории *мотивов* и *оснований* для действий» [29, с. XVI]. При этом он не отрицает, что действия могут быть описаны на языке причинности, но не могут быть объяснены с помощью принципа причинности [29, с. XVIII]. Г. Энском, которая подробно рассматривает понятие интенционального действия, приходит к выводу, что «является справедливым проводить различия между мотивом и причиной» [30, р. 82].

Телеологический подход как самостоятельный разрабатывается в рамках социальных наук и не имеет столь однозначной дефиниции, как каузальный. Й.А. Шумпетер определяет телеологию как попытку «дать *причинное* объяснение институтов и форм поведения через общественную потребность или цель, которой эти институты и формы поведения должны служить» [31, с. 71].

Г. фон Вригт предлагает рассматривать телеологический подход как описание некоторого образца или результата действия. Он выделяет в действии два аспекта – внутренний и внешний [16, с. 119]. Суть первого составляют различные ментальные понятия такие, как интенция (цель или намерение), воля, решения, желания, побуждения, основания, потребности, а также составляющие поведения – склонности, привычки, предрасположенности. Внутренний аспект определяется внешними проявлениями действия.

Внешний аспект обнаруживается в самом действии и состоит из трех этапов: первый – непосредственный, наступающий после определения цели, второй – отдаленный во времени – само действии, третий – наиболее важный и «смыслообразующий» этап – результат действия, без реализации которого будет считаться, что действие не было совершено. Все этапы объединены общим основанием – одной и той же канвой, например интенцией (целью), несмотря на то, что связь между этапами может носить каузальный характер. Объект интенции – это то, что действующий намеревается совершить, это будущий результат его действия. Поведение приобретает интенциональный характер, когда оно понято

самим человеком или внешним наблюдателем в более широкой перспективе, когда оно помещено в контекст целей и когнитивных установок. К концу XX в. сложилась традиция использовать «практический силлогизм» как логическую форму телеологического объяснения, позволяющего описать и установить связи между целью и действием. *Практический силлогизм* (практический вывод) рассматривается как умозаключение о совершении действия, логически вытекающего из предварительных посылок о достижении желаемого. *Практический силлогизм*, с учетом начала действия, временного фактора и различного рода помех для достижения цели, был предложен Г. фон Вригтом [16, с. 138].

Посылка 1: *С настоящего момента А намеревается осуществить р во время t.*

Посылка 2: *С настоящего момента А считает, что, если он не совершит а не позднее, чем во время t', он не сможет осуществить р во время t.*

Заключение: *Следовательно, не позднее, чем когда, по его мнению, наступило время t', А принимается за совершение а, если он не забывает о времени или не сталкивается с препятствием.*

Формальная обоснованность практического силлогизма требует, чтобы поведение, о котором говорится в заключении, описывалось (понималось, интерпретировалось) как действие, как совершение или попытка совершить действующим некоторого действия.

Телеология и функционализм

Точка зрения на телеологию в социальных науках как на одну из составляющих изучается в рамках функционализма. Одним из первых рассматривал цель существования социального явления как функцию Э. Дюркгейм. Он критикует финалистское (телеологическое) объяснение появления новых социальных фактов посредством

целей. Социальный факт он понимал как «вещь», которая создается людьми в определенных обстоятельствах, по определенным причинам. Он не отрицает, что стремления, потребности, желания людей оказывают различные влияния на возникновение социальных фактов – либо ускоряют их появление, либо сдерживают – в зависимости от того, как они соотносятся с условиями, от которых зависит факт. Но для того чтобы стремления были осознаны, сформулированы, необходимо наличие физических действующих причин, которые способствуют появлению стремлений. Э. Дюркгейм полагал, что возникновение определенных социальных фактов не связано с целью, для реализации которой этот социальный факт впоследствии будет полезен, так как одинаковых целей можно достичь различными путями. Но в социальной жизни, как замечает Э. Дюркгейм, наблюдаются регулярные повторения социальных фактов в одинаковых условиях. И понимание полезности факта, его роли в сложившихся отношениях не вызывает факт из ничего, т.е. без наличия физических действующих причин его появления. Автор приводит примеры фактов, которые существуют, не имея полезной функции, например различные традиции, ритуалы и т.д. Следовательно, причины, которые вызывают факт, не зависят от целей, которые он реализует. «В процессе объяснения социального явления нужно отдельно исследовать порождающую его реальную причину и выполняемую им функцию. Мы предпочитаем пользоваться словом “функция”, а не “цель” или “намерение” именно потому, что социальные явления обычно не существуют для достижения полезных результатов, к которым они приводят. Все вопросы, связанные с намерениями, слишком субъективны, чтобы можно было рассматривать их научно» [25, с. 112]. Тем самым, под целью Э. Дюркгейм понимает полезность социального факта, т.е. функцию, которую он выполняет. Функциональные отношения позволяют поддерживать ранее существовавшие причины, из которых они берут начало. Выявление функции социального факта делает более простым и легким процесс

выяснения причин породивших его. Но сами функциональные отношения не могут являться определяющей причиной существования какого-либо факта. В итоге Э. Дюркгейм вводит следующее правило: «*Определяющую причину социального факта следует искать среди предшествующих социальных фактов, а функцию социального факта следует всегда искать в его отношении к какой-нибудь цели*» [25, с. 126]. Таким образом, Дюркгейм считал, что замещение понятия причины понятием функции (как цели существования социального факта) является неправомерным, а под финалистским объяснением понимал не столько объяснение через цепочку цель-действие, сколько изучение функций социальных явлений.

Для обозначения функционального способа объяснения используются такие термины, как квазителеологический, телекаузальный, телеономический, структурный функционализм [16, с. 118–119; 32; 33, р. 157; 34, с. 21; 3, с. 39]. Наиболее часто из них встречается понятие телеономизм, который получил распространение в рамках естественнонаучной парадигмы и определяется как процесс в системе, направленный на поддержание нормального функционирования системы (как правило, искусственной). В социологии функционализм чаще всего рассматривается как структурный функционализм. Одна из логических проблем такого функционализма связана с «незаконной» или «неправомерной» телеологией [3, с. 40; 35, с. 141]. В рассматриваемом подходе телеология означает, что общество (различные социальные структуры) имеет цели, для реализации которых оно создает определенные социальные структуры и институты. Некоторые авторы, критически настроенные к функционализму, не отрицая, что в социальной теории *следует* учитывать телеологические отношения между обществом и его элементами, предостерегают от чрезмерного расширения телеологии. Неправомерная телеология состоит в том, что «цель или конечное состояние руководит человеческими делами, хотя на самом деле она не является причиной» [36, р. 118].

Иными словами недостаточно просто утверждать, что связь между социальной целью и конкретной подструктурой должна существовать, а именно это свойственно *неправомерной* телеологии. Например, неправомерно утверждать, что из-за стремления общества к воспроизводству и социализации оно создало институт семьи. Воспроизводство и социализацию могут обеспечивать и другие структуры (дошкольные и школьные учреждения, гражданский брак); общество не *нуждается* в создании семьи. Исследователь, придерживающийся теории структурного функционализма, должен выявить и обосновать какие именно цели приводят к созданию семьи и почему они не могут быть реализованы другими подструктурами.

Например, в случае обоснования возникновения института семьи, структурному функционалисту скорее всего придется искать аргументы в далеком прошлом, в первобытных обществах. А точнее именно в том периоде, когда, с одной стороны, люди еще вели стадный образ жизни, а с другой стороны, у каждого из членов подобного объединения имеется возможность приобретения и накопления различного рода излишек и благ в течение жизни. В качестве стимулирующих моментов появления семьи как института общества может служить возникновение института наследования в первобытных обществах, продиктованное желанием родителя передать приобретенные блага (нажитое имущество, власть, социальный статус) именно своему отпрыску.

Правомерная телеология стремится на эмпирическом и теоретическом уровнях выявить и продемонстрировать связи между целями общества и различными существующими в нем элементами. Но в большинстве случаев «функциональные объяснения представляют собой неправомерную телеологию, что серьезно мешает пользе функционализма в понимании моделей человеческой организации» [36, p. 124].

Предпосылки совмещения каузальной и телеологической причинности

В каузальном и телеологическом подходах порядок рассмотрения событий, их расстановка и анализ связей между ними различаются методами изучения и основной парой понятий, которой оперирует каждый из подходов: *причина-следствие* и *цель-действие*.

Идею совмещения этих подходов можно обнаружить в трудах Аристотеля. Рассуждения о четырехэлементной причинной модели объяснения явлений, которая актуальна и для сегодняшних реалий, он дополняет суждениями о сочетании причины и цели. «...[Цель будет одинаковым образом причиною] для всего, что благодаря произведенному человеком действию проявляется в промежутке перед достижением цели» [37, с. 79]. Развитие этой точки зрения можно найти у И. Канта, который вводит понятие «причинность по цели»¹ [38, с. 306]. И. Кант полагал, что объяснить социальный мир, оставаясь только в рамках механических причин, практически невозможно, и подчеркивал, что: «Если хотят объяснить, что такое цель по ее трансцендентальным определениям (не предполагая ничего эмпирического, подобно чувству удовольствия), то цель есть предмет понятия, поскольку это понятие рассматривается как причина этого предмета (реальное основание его возможности); и каузальность *понятия* в отношении его *объекта* есть целесообразность (*forma finalis*). Следовательно, там, где не только познание предмета, но и сам предмет (его форма или существование), как действие, мыслят как возможное только через понятие об этом действии, там мыслят себе и цель. Представление о действии есть здесь определяющее основание его причины и предшествует последней» [39, с. 193, 219–220]. Тем самым каждое явление может рассматриваться как следствие предшествующей ему причины и как средство, предназначенное служить определенной цели.

---

¹ В современном переводе «целевая каузальность» [39, с. 655, 413].

Наглядным примером совмещения каузального и телеологического подходов являются разработки Р. фон Йеринга (Jhering). Как правовед, он рассматривал необходимость такого совмещения при анализе преступления. Первенство он отдает целевому закону: «Когда на вершине горы я привожу в движение обломок скалы с той целью, чтобы он скатился в долину, разве не цель приводит в действие закон причинной связи? Если причина в начале всех начал получила такое свойство, что находясь в постоянном движении, создает все одно из другого и в заключение достигает пункта, предвиденного и предопределенного целью, то спрашивается: что управляет всем движением причина или цель?» [40, с. V]. Он вводит принцип двойного закона, где закон причинности отвечает за неодушевленные предметы, а целевой закон – за одушевленные, при этом «и тот и другой сливаются воедино в целевом законе, как в высшем мирозозидающем принципе» [40, с. VI]. Р. фон Йеринг предлагает рассматривать действие как две взаимосвязанные *стадии*, отражающие внутреннее содержание и внешнее проявление действия. Внутреннее – телеологическое – содержание сопровождается осмысленным выбором человеком способа действия в соответствии с осознаваемой им целью. Внешнее проявление наступает сразу же, как только человек принимает решение действовать определенным образом, и характеризуется непосредственно действием, выполняемым в рамках закона причинности [40, с. 7–16]. Тем самым, подобное совмещение позволяет включить цель, намерения в цепочки причинно-следственных связей.

Если Р. фон Йеринг рассматривает оба подхода как последовательные взаимосвязанные стадии, то М. Вебер предлагает включение телеологического подхода в канву каузального, цель которого, в свою очередь, – выведение закономерностей. Он, так же как и Р. фон Йеринг, за основу берет понятие «осмысленно ориентированное человеческое действие» [41, с. 607]. Телеологичность у Вебера проявляется в его «понимании» как метод объяснения

мотивации к действию. Понимание состоит из двух видов: первое – «непосредственное понимание», состоящее из простого описания действия и «объясняющего понимания», приписывающего мотивы, цели действию. Соотнесение мотивов с описанным действием через установление «смысловой связи» между ними и есть телеологическое объяснение: «...объяснить означает постигнуть смысловую связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие» [41, с. 608–609]. Далее смысл действия включается сначала в определение мотива как «смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия», а затем в прояснение словосочетания «адекватное смыслу», как: «единое в своих проявлениях действие в той мере, в какой соотношение между его компонентами представляется с позиции нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным... смысловым единством» [41, с. 611–612]. Метод включения телеологического объяснения в каузальное и состоит в том, что: «Правильное каузальное толкование *типичного* действия (понятного типа действия) означает, что процесс, принятый в качестве типичного, представляется (в известной степени) адекватным смыслу и может быть установлен как (в известной степени) каузально адекватный» [41, с. 612]. Иными словами причинное объяснение некоего действия возможно при условии адекватного понимания значения действия на основании принципа причинности: одинаковые мотивы всегда влекут одинаковые действия, если ранее была установлена статистическая повторяемость рассматриваемых мотивов и действий.

В отличие от М. Вебера, Г. фон Вригт обосновывал точку зрения, перекликающуюся с Аристотелем, И. Кантом и Р. фон Йерингом: «Заключение, которое вытекает из мотивационной основы... это часто... промежуточное событие или действие..., которое входит в мотивационную основу другого...» [16, с. 171]. На примере причин возникновения войны 1914 г. он наглядно показывает с

помощью *практического силлогизма*, как, на первый взгляд, каузальная связь между выстрелом в Сараево – *причиной* и объявлением войны – *следствием* может быть разложена на промежуточные события, носящие порой характер не только каузальный, но и телеологический [16, с. 169].

Война как сложное событие состоит из множества составляющих: международной политики, военных укладов государств, уровня милитаризации государств, наличия конфликтов. В случае сараевского инцидента между причиной и следствием есть промежуточные связи, которые носят мотивационный характер. Убийство, как *причина* возникновения войны, повлекло за собой возникновение ситуации напряженности со стороны Австрии, которая стремилась к господству на Балканах, но убийство ее экс-герцога подрывало ее авторитет в данном регионе, если Австрия не раскроет заговор и не накажет виновных. Тем самым, с *целью* сохранения авторитета (*мотивационная основа* действий правительства Австрии) Австрия предъявляет ультиматум Сербии (*заключение* в виде необходимого условия для осуществления целей страны, которое в ситуации до убийства не было необходимым). В свою очередь предъявление ультиматума служит в качестве *сингулярной посылки* для того, чтобы Россия пришла к заключению о военной мобилизации. Факт мобилизации побудил к дальнейшим *практическим выводам*, окончательным *заключением* которых является возникновение войны [16, с. 170–173].

Предложенные выше примеры иллюстрируют необходимость систематизации понятий причинного анализа как методологической процедуры эмпирической социологии, в трактовку которой включается и последовательное применение двух рассмотренных подходов к причинности.

Система понятий причинного анализа как некая целостность может возникнуть, опираясь на артикуляцию оснований сравнения этих подходов. Эти основания выводят на теоретические концепты этих двух видов причинности. В свою очередь, они являются сами понятиями причинного анализа или на их основе возможно введение понятий. В табл. 1 предложены различные основания сравнения и теоретические концепты обоих подходов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ ДВУХ ВИДОВ ПРИЧИННОСТИ

Основания сравнения	Каузальность	Телеология
Исходная предпосылка № 1 «вектор времени»	Прошлое воздействует на настоящее	Будущее воздействует на настоящее
Направленность	Из настоящего в прошлое	Из настоящего в будущее
Начало цепочки	Причина	Цель
Конец цепочки	Следствие	Действие
Исходная предпосылка № 2 «предшествование»	Причина предшествует следствию	Цель предшествует действию
Исходная предпосылка № 3 «необходимость»	Если имеется причина и необходимые условия ее проявления, то обязательно происходит следствие	Наличие цели не влечет с необходимостью действия
Исследовательский вопрос	Почему?	Ради чего?
Закон	Универсальный	Локальный
Множественность начал	Виды причин	Множественность целей
Множественность окончания	Виды следствий	Множественность действий

Окончание табл. 1

Основания сравнения	Каузальность	Телеология
Исходная предпосылка № 4 «однозначность»	Однозначная связь	Пластичность телеологической детерминации
Типы условий	По значимости, по близости, по степени и т.д.	По значимости, по близости, по степени и т.д.
Исходная предпосылка № 5 «устойчивость»	Одна и та же причинная связь может повторяться много раз	–
Исходная предпосылка № 6 «причинные цепочки»	Причина причины некоторого события есть тоже причина этого события	Цель некоторого действия является причиной промежуточных событий
Модель объяснения	Дедуктивно-номологическая модель	Практический силлогизм

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. 4-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 2000.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 42.
3. Девятко И. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИСО РЦГО-TEMPUS/TACIS, 1996.
4. Давыдов Ю.Н. Целостность культуры – тотальность политической идеологии – тотальность мифологии XX в. // История теоретической социологии / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон+, 1998. С. 141–150. Т. 2.
5. Blalock H.M. Causal Inferences of Non-experimental Research. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1961.
6. Хейс Д. Причинный анализ в статистических исследованиях / Пер. с англ. Ю.Н. Гаврильца, Л.М. Кутикова, М.А. Родионова. М.: Финансы и статистика, 1981.
7. Little D. Causal Order and Causal Inquiry in Social Science. 1997.
8. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, Книжный дом «Университет», 1998.
9. Duncan O.D. Introduction to Structural Equation Models. N.Y.; San Francisco; London: Academic Press, 1975.
10. Stinchcombe A.L. Constructing Social Theories. N.Y., Harcourt, Brace & World, 1968.
11. Nagel E. Some Issues in the Logic of Historical Analysis // Theories of History / Ed. by P. Gardiner. Glencoe: The Free Press, 1961.
12. Аристотель. Метафизика // Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1.
13. Аристотель. Физика // Собрание сочинений в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3.
14. Clatterbaugh K. The Causation Debate in Modern Philosophy 1637–1739. N.Y.; L., 1999.
15. Бунге М. Причинность: Место принципа причинности в современной науке / Пер. с англ. И.С. Шерн-Борисова, С.Ф. Шушурина; Общ. ред. Г.С. Васецкого. М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
16. Вригт Г.Х. Логико-философские исследования: Избранные труды / Пер. с англ. и общ. ред. Г.А. Рузавина, В.А. Смирнова; Сост. В.А. Смирнов. М.: Прогресс, 1986.
17. Lloyd C. Realism and Structuralism in Historical Theory: A Discussion of the Thought of Maurice Mandelbaum // History and Theory. Middletown: Wesleyan University, 1989. Vol. 28. No. 3. P. 318–319.
18. Кузнецов И.В., Сачков Ю.В. Причинность // Философский энциклопедический словарь / Подгот. А.Л. Грекулова и др.; Редкол. С.С. Аверинцев и др. 2-е изд. М.: Сов. энцикл., 1989. С. 511–512.

19. *Brand M.* Simultaneous Causation // Time and Cause: Essays Presented to Richard Taylor / Ed. by Van Inwagen P. Dordrecht: Reidel, 1980. (Philos. Studies Ser. in Philosophy; 19).

20. *Поппер К.Р.* Мир предрасположенностей // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук / Пер. с англ. Д.Г. Лахути; Под ред. В.Н. Садовского. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 176–209.

21. *Кондратьев Н.Д.* Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. М.: Наука, 1991.

22. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996.

23. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. А.Н. Ильинского; Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994.

24. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996.

25. *Дюркгейм Э.* Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.

26. *Гемпель К.Г.* Логика объяснения / Сост., пер. О.А. Назаровой. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. С. 89–146.

27. *Гавеля В.Л.* Целеполагание в структуре социальной деятельности человека. Волгоград: Изд-во волгогр. гос. универ., 1998.

28. *Лекторский В.А.* Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 44–49.

29. *Уинч П.* Идея социальной науки и ее отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. М.: Русское феноменологическое общество XXI+, 1996.

30. *Anscombe G.E.M.* Intention // Metaphysics and the Philosophy of Mind: The Collected Philosophical Papers of G.E.M. Anscombe. Oxford: Basil Blackwell, 1981. Vol. 2. P. 75–82.

31. *Шумпетер Й.А.* История экономического анализа / Пер. с англ.; Под ред. В.С. Автономова. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1.

32. *Isajiw W.W.* Causation and Functionalism in Sociology. L.: Routledge & Kegan Paul, 1968.

33. *Mayr E.* Teleological and Teleonomic, a New Analysis // A Portrait of Twenty-five Years: Boston Colloquium for the Philosophy of Science, 1960–1985 / Ed. by Robert S. Cohen & Marx W. Wartofsky. Dordrecht, Reidel, 1985. (Boston Studies in the Philosophy of Science.)

34. *Мамчур Е.А.* Причинность и рационализм // Причинность и телеономизм в современной естественнонаучной парадигме / Отв. ред. Е.А. Мамчур, Ю.В. Сачков. М.: Наука, 2002. С. 5–22.

35. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. / Пер. с англ. А. Бойкова, А. Лисицына. СПб.: Питер, 2002.

36. *Turner J., Maryanski A.* Functionalism. California: Menlo-Park, 1979. (The Benjamin/Cummings Ser. in. Contemporary Sociology).

37. *Аристотель.* Метафизика / Пер. и прим. А.В. Кубицкого. М.-Л.: Соц.-эконом. изд-во, 1934.

38. *Кант И.* Критика способности суждения. СПб., 1898.

39. *Кант И.* Критика способности суждения // Сочинения в 4 т. / Подгот. Н. Мотрошиловой и др. М.: Наука, 2001. Т. 4.

40. *Иеринг Р. фон.* Цель в праве / Пер. В.Р. Лицкого, Н.В. Муравьева, Н.Ф. Дерюжинского; Под ред. В.Р. Лицкого. СПб., 1881. Т. 1.

41. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Избранные произведения / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.